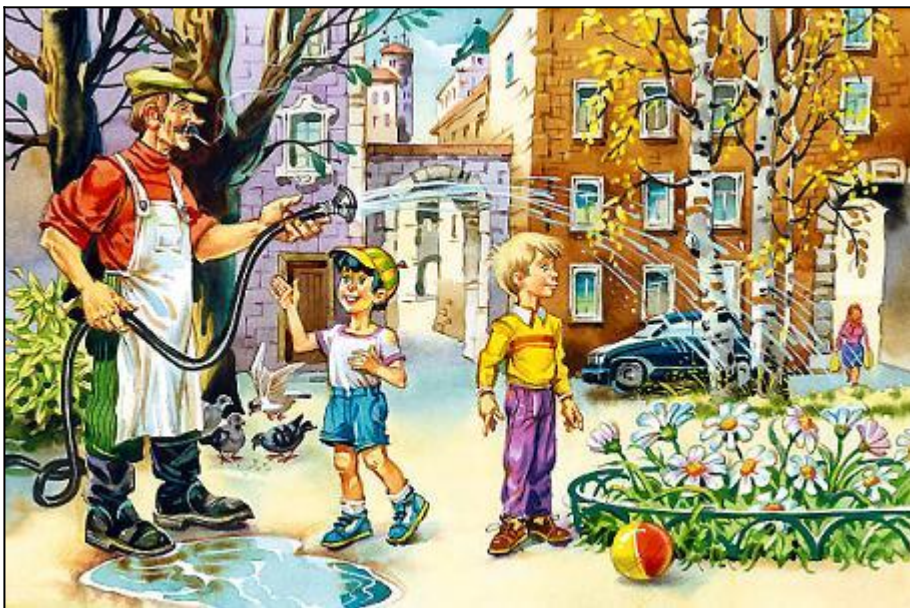

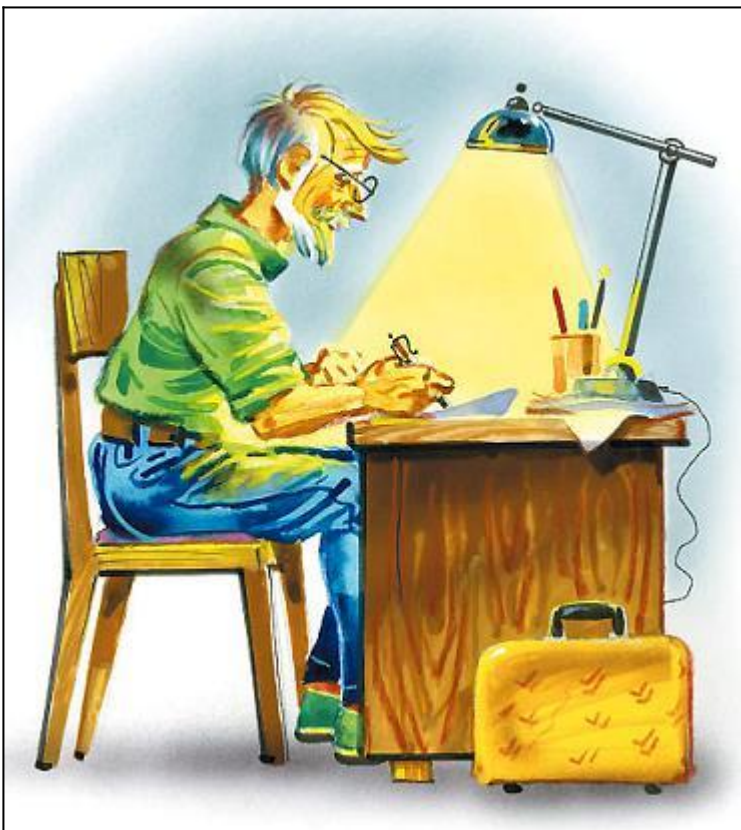
Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех. Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете. Ребята играли во дворе и смеялись. Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомлённым. Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась: «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки». Днём он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в тёмные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в поликлинику! – подумал Детский Доктор. – Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжёлый: эта грустная девочка Тома...» В это время раздался громкий звонок. Детский Доктор пошёл в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама. Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это была мама, было несомненно. Это было сразу видно по

её большим несчастным глазам. Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет. Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил. Такая мама наверняка умела быть строгой. Но с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребёнку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? – подумал Детский Доктор. – Её мнение было бы важно для моей книги «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»...

– Вы понимаете, Доктор... – волнуясь, начала мама. Её глаза были совсем тёмными и несчастными. А ведь, наверное, её глаза умели ярко сиять. – Видите ли... Мне вас очень рекомендовали... У меня сын Петя... Ему девять лет. Он очень болен. Он... вы понимаете... он... трус... Прозрачные слёзы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щёк у неё висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело. Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

– Вот рано утром... – продолжала мама. – Понимаете, как проснётся... или, например, как придёт из школы... а вечером...

– Так, так, – сказал Детский Доктор. – Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы... В школу ходит один?

– Провожая и встречаю.

– А в кино?

– Уже полтора года не был.

– Собак боится?

– Даже кошек... – тихо сказала мама и всхлипнула.

– Понятно, понятно! – сказал Детский Доктор. – Ну ничего. Современная медицина... Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

– В поликлинику? – растерялась мама. – Вы знаете – он не пойдёт. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?.. Я думала... вы к нам на дом... Мы здесь недалеко живём. На сто втором автобусе...

– Ну хорошо, хорошо... – со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. – Мне всё равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе...

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемоданчик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, жёлтого цвета, с блестящими замками.

– Минуточку, минуточку, чтобы не забыть... Это порошок смеха для грустной девочки Томи. Очень сильнодействующее средство... Уж если он не поможет... Так... Бутылка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать... Это для одного болтуна... А для вашего Пети...

– Простите, Доктор... – опять засмузилась мама. – Вы и так очень любезны... Но... Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже не пьёт газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

– Естественно, естественно... – задумчиво пробормотал Детский Доктор.

– Вы находите это естественным? – От удивления мамины глаза стали в четыре раза больше.

- Это естественно для данного заболевания, - ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулёк. - Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые трусливые дети смело кладут её в рот и... Детский Доктор и мама вышли на улицу. На улице было просто замечательно! Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смеялись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.

Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке. За жёлтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверное, всем

мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь. А на самом её верху горел ослепительный огонёк. Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонёк. Вдруг этот огонёк погас. И тогда стало видно, что там на самом верху копошится какой-то чёрный муравей. Потом этот чёрный муравей пополз вниз. Он становился всё больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в жёлтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошёл через эту дверцу. В руке у него был жёлтый чемоданчик. Рабочий был очень молодой и очень загорелый.

У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?.. – подумал Детский Доктор. – Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

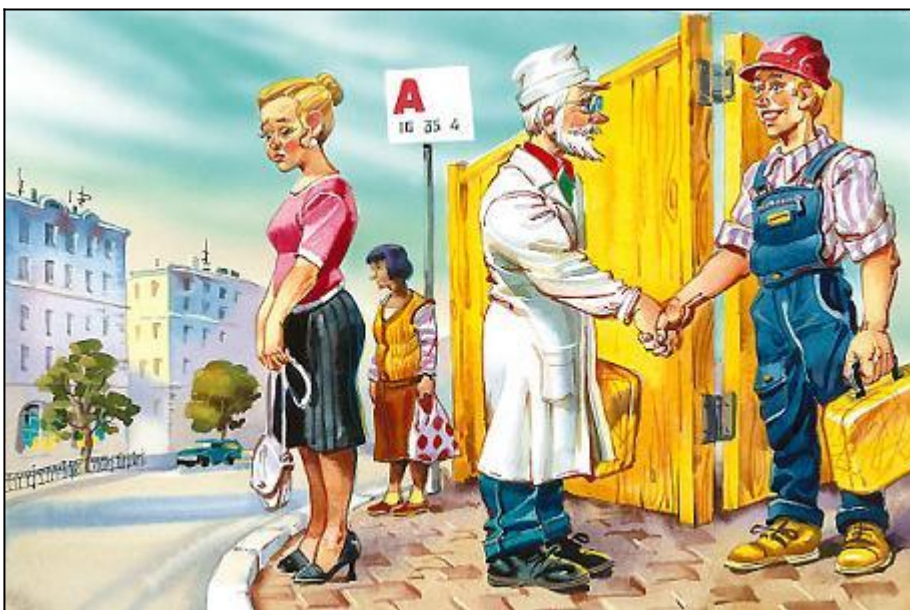
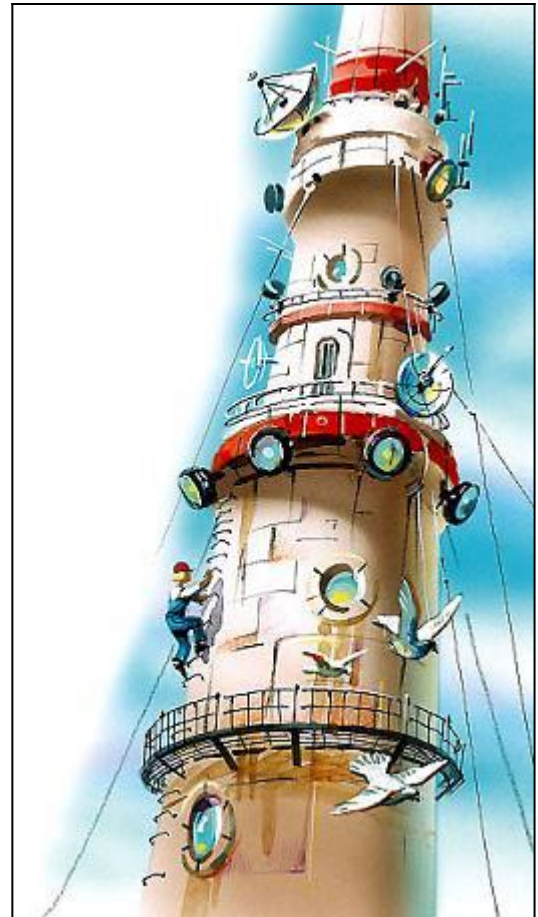
– Вы уж извините меня, старика! – сказал Детский Доктор молодому рабочему. – Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

– Ну что вы! – смутился молодой рабочий и стал ещё моложе и стал совсем похож на мальчишку. – Ну какая тут смелость!

– Работать на такой высоте! Разрешите пожать вашу руку! – разволновался Доктор и, поставив свой жёлтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему. Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

– Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся?

Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

– Да, бывало... Ну что вспоминать такие глупости...

– Это совсем не глупости! – воскликнул Детский Доктор. – С точки зрения науки... Но сейчас говорить об этом не время. Главное – это ваша удивительная смелость. Смелость – это...

– Наш автобус, – тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на неё посмотрел. Он увидел, что её лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы. А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными. Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил жёлтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! – думал он, стараясь не глядеть на маму. – Какая бестактность говорить в её присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да ещё такая хорошая мама... Ах я дырявая грелка, ах я...»

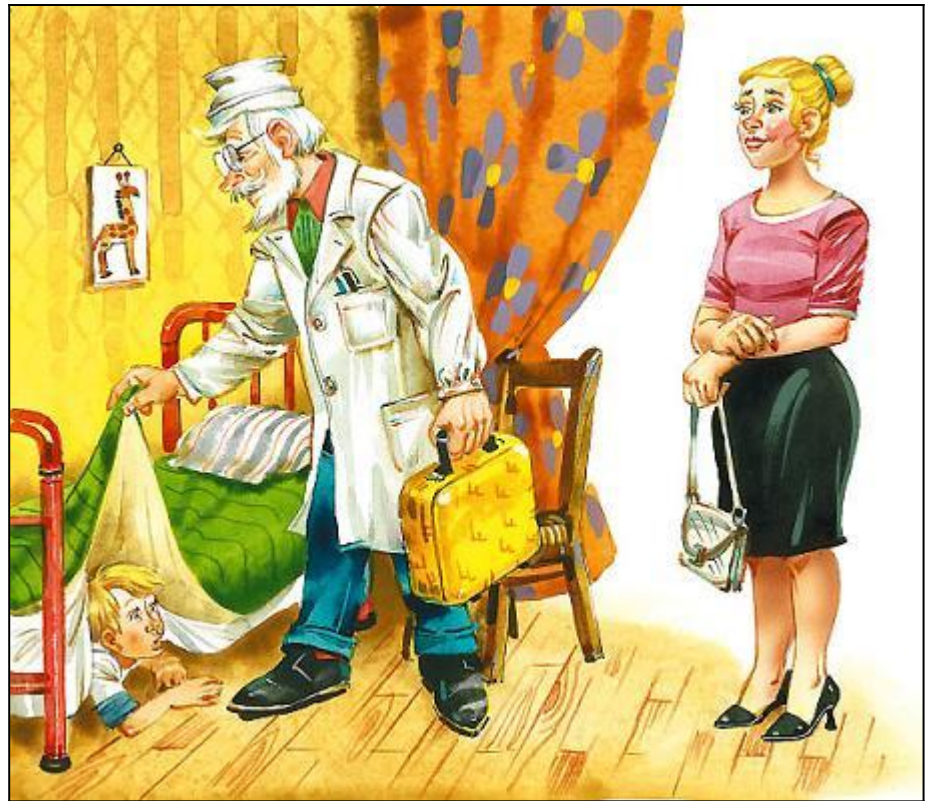

Мама открыла дверь и через тёмную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещённую комнату.

Комнату заливало солнце. Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажжённая настольная лампа. А на столе лежал зажжённый электрический фонарик.

- Петенька мой! - тихо и ласково сказала мама. - Это я пришла! Где ты? - Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать, что там лежит большая змея.

- Петенька! - опять тихо и ласково сказала мама. - Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки. Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а только Петькина голова. Весь Петька был ещё под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

- Вылезай, вылезай, - сказал Детский Доктор, радуясь, что Петька ему понравился. - Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

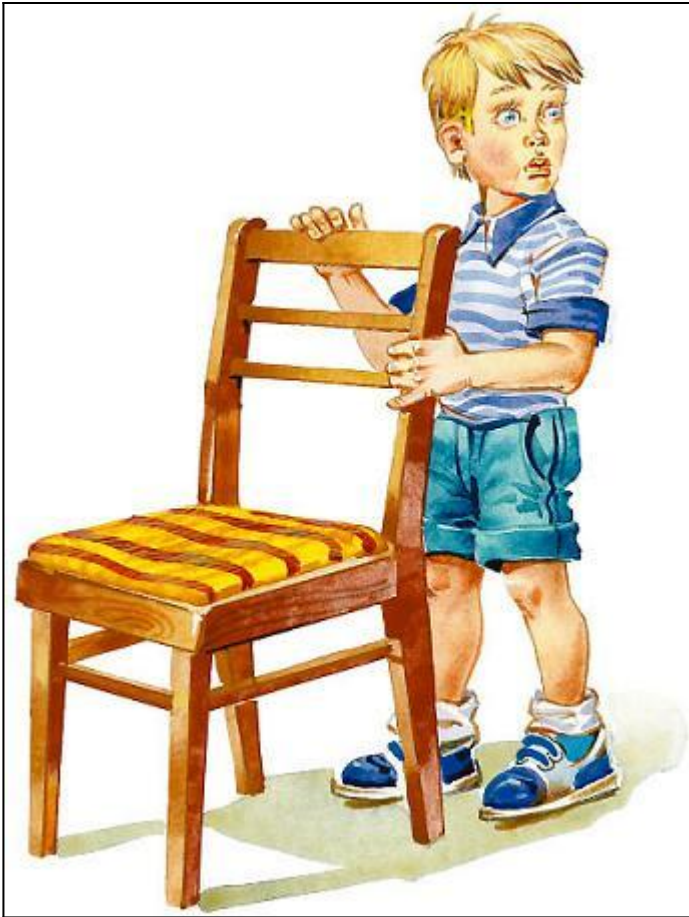
Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

- Ну вставай, вставай, чего на полу лежать-то! - сказал Детский Доктор. - По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

- Встань, Петенька, не бойся! - тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошёл вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

- А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы! Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

- Совсем не так плохо! Совсем не так плохо!

- довольным голосом сказал Детский Доктор. - А ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в него вцепился, что его пальцы побелели, как отмороженные.

- Ну подпрыгни, сыночек! - тихо сказала мама. - Ну пожалуйста. Это надо для лечения...

Петька с упрёком посмотрел на маму и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул, между его подошвами и полом с трудом можно было просунуть мизинец маленького ребёнка.

- Отлично, отлично! - сказал Детский Доктор и сел за стол. - Случай, конечно, запущенный, но не тяжёлый. Сто граммов конфет «Настоящей храбрости» - и он будет

здоров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдёт гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли.

«Да, да, я не ошибся, - подумал Детский Доктор, - они могут сиять, её глаза...»

- Неужели это правда? - сказала мама и засмеялась от счастья. - Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем опаздываю. Мне и так придётся бежать всю дорогу. Я только попрошу соседку, чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

- Никаких соседок! Никаких соседок! - строго сказал Детский Доктор. - Я категорически против соседок. Это может только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как следует разжевал конфетку «Настоящей храбрости» и проглотил её. И всё будет в порядке.

- Мамочка! - прошептал Петька.

- Не бойся, сыночек, надо слушаться доктора.

- Не уходи! - всхлипнул Петька.

- Но ты же слышал, что сказал Доктор. Всё будет хорошо!

И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза её сияли.

А Детский Доктор взял жёлтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки громко щёлкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил всё его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с тёмным стеклом посередине. На книге большими буквами было написано «Верхолаз-электросварщик».

- Чемодан... - прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. - Это не мой чемодан...

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.- Это чемодан того храброго молодого человека, - простонал он. - Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моём чемодане лежат конфеты «Настоящей храбрости»... О-о-о...

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

- Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда... Нет, нет, его надо скорее найти! Вот тут на книжке написано: Валентин Ведёркин. Я должен бежать! - закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. - А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слёзы заливали всё его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрещал. Ещё немного, и Детский Доктор отправился бы на поиски Валентина Ведёркина в пиджаке с одним рукавом.

- Я один не останусь! Я боюсь! - рыдал Петька.

- Тогда пойдём со мной!

- И с вами не пойду! Я боюсь!

- А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?

- Одинаково!

- Выбирай!

- Боюсь выбирать!

- Ну, решай, скорее!

- Боюсь решать!

- Ну, скорее!

- Боюсь скорее!

- Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как её зовут?

- Тётя Катя.

- Где она живёт?

- Не знаю.

- Ну, в какой квартире?

- Не знаю.

- Ну, пойдём её поищем!

- Боюсь искать!..

- Так мы с тобой до вечера проговорим! - закричал Доктор, бросаясь к двери. - А я больше не могу ждать!..

Валентин Ведёркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме. Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок. На потолке было жёлтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

- Течёт, - вздохнула Анна Петровна. - Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У неё были добрые глаза, добрый рот и добрые брови. Даже нос и щёки у неё были добрые.

- Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! - с досадой сказал Валентин Ведёркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

- Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, - с огорчением сказала она. - Вон он, на лавочке сидит...

- Давай я с ним поговорю!

- Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! - испугалась Анна Петровна. - И голос у тебя такой, слишком громкий. Ещё соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну - потревожу его.

Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь... Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь... Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! - подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. - Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на жёлтое пятно.

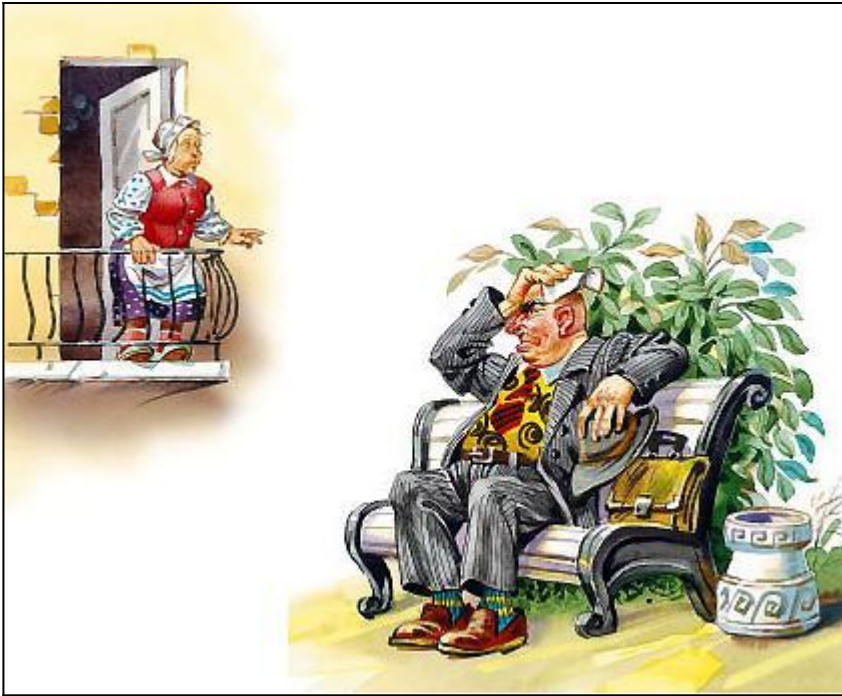
Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом. Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чём-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

- Пожалуйста, будьте так любезны... Я вас очень прошу...

Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже.

«Ну что ж, пятно – это только пятно... Не упадёт же оно мне на голову, – подумала она. – Правда, вот осенью, когда пойдут дожди...»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она повесила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла жёлтый чемоданчик. Она всегда в нём тоже наводила порядок.

«Конфеты! – умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулёк. – Ну совсем ещё дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала... Надо попробовать...»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула её в рот. Конфета была приятная, немного мятная, немного сладкая, а немного какая-то не поймёшь какая. После неё во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! – решила Анна Петровна и съела ещё одну. – Даже лучше «Мишки». И недорогие, наверное. Только вот надо мне будет с управдомом ещё раз поговорить, и

посерьёзнее...»Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела ещё одну конфету.
 - И правда, какое безобразие, - сама себе сказала Анна Петровна. - На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать - на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома ещё доберусь!

В коридоре послышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула её и втащила в комнату высокого лётчика.

У лётчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий, смелый лоб и твёрдые, смелые губы.

Наверное, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сейчас он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

- А ну-ка голубчик, сейчас же садись пить чай! - закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) - Как это так получилось, что мы живём в одной квартире, а я тебя, голубчик, ещё ни разу не напоила чаем?

- Спасибо, Анна Петровна, - растерянно сказал лётчик. - Я только что...

- Тогда хоть конфеты эти возьми, горе моё! - продолжала кричать Анна Петровна. - Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулёк конфет в карман лётчику.

- Ну, а как твоя грустная дочка Тома? Ещё ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо лётчика потемнело. Наверное, когда его самолёт шёл в сплошных грозовых тучах, у него было такое лицо.

- Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, - тихо сказал лётчик, и его смелые губы дрогнули. - Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела её мама. Вы знаете, её мама две недели была тяжело больна. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детскому Доктору в нашем районе... Может быть, он заставит её улыбнуться...

- Ничего, не отчаивайся, голубчик! - закричала Анна Петровна. - В её-то возрасте!.. Это вот если в

можедуничульбать,гейковнас
 подогрею.И она так сильно
 толкнула лётчика на диван,
 что все пружины квакнули,
 как лягушки.

- К сожалению, я должен
 идти, - сказал лётчик,
 поднимаясь и потирая
 ушибленный локоть. - У
 меня сегодня полёт, а я
 ещё до полёта хотел зайти
 к своему старому приятелю.
 Он работает в цирке
 укротителем. Там у них,
 знаете, разные
 дрессированные медведи,
 собачки, клоуны. Может
 быть, они рассмешат мою
 грустную девочку... И
 спасибо вам за конфеты...

Едва только за смелым лётчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чём-то думал.

- Эй, голубчик! - так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с писком посыпались во двор. - Что за безобразие? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся.

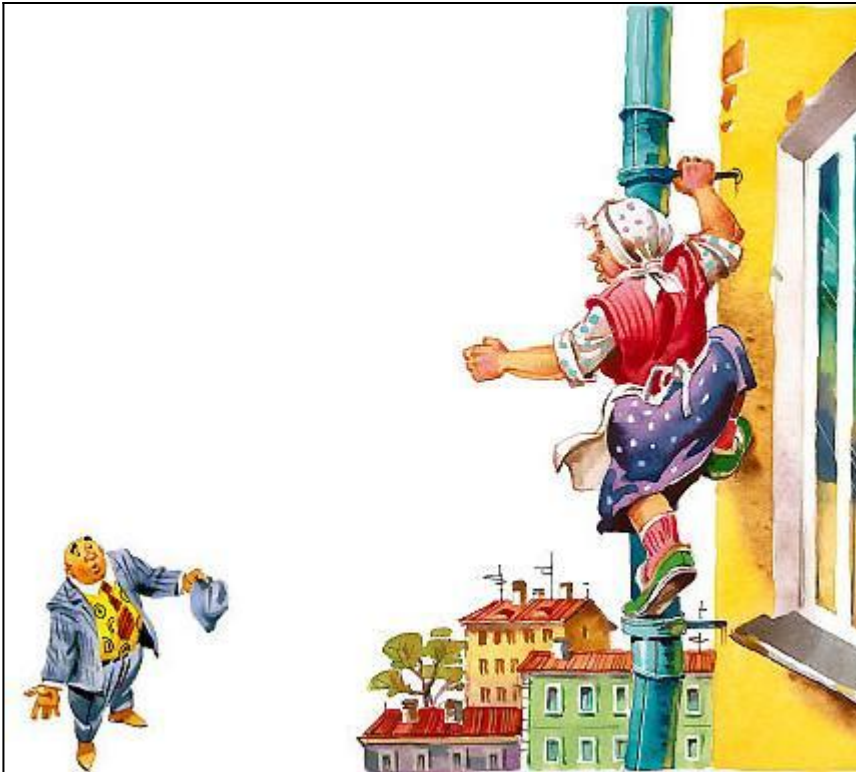
- Некогда мне тут по разным крышам лазить. У вас течёт - вы и полезайте!

- Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. - закричала Анна Петровна.

Анна Петровна ещё больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это была её самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе её домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задранное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только изредка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тётю в яркой красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрал голову кверху, и держал не поймёшь что на верёвочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» - не переставая лаяло это серое и мохнатое.

Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

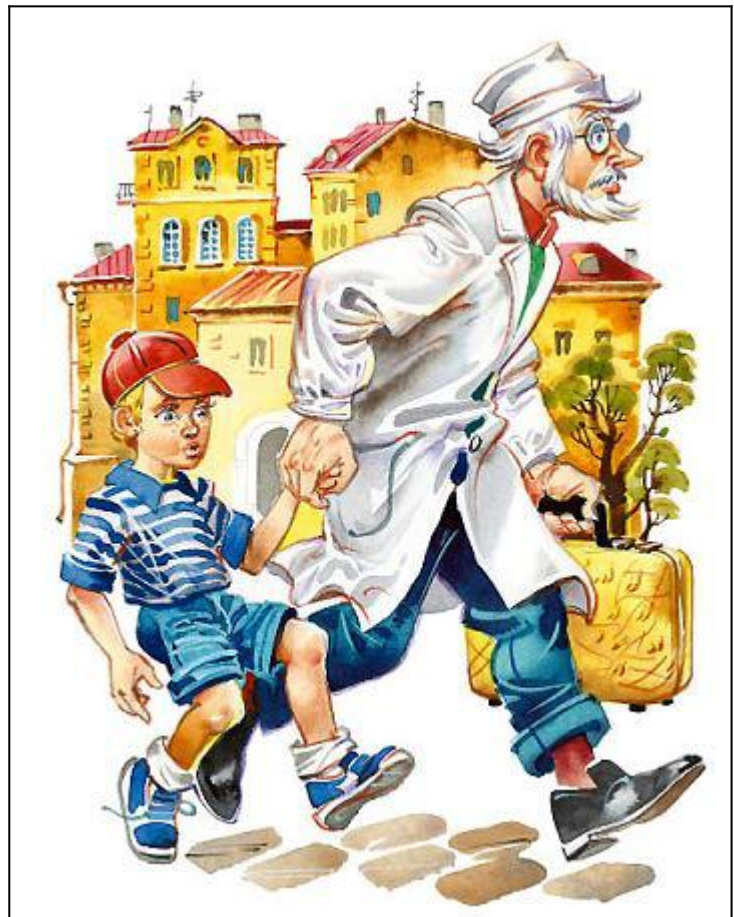
- А она ка-ак из окна высунется, - говорил рыжий мальчишка, - ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками её обхватит!..

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

- До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! - закричала высокая тётя в яркой красной шляпе.

- Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит - извинится!

- Да уж, мухи не обидит!

- Какая муха? При чём тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели! Упадёт! Упадёт!

- Кто? Кто?

- Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

- Кто? Кто?

- Да Ведёркина из сороковой квартиры!

- Ведёркина?! - закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже её, на пожарной лестнице, стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то

одну, то другую руку.

Ещё немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А ещё пониже стоял монтажник с большим мотком проволоки через плечо. – Слезьте, Анна Петровна, слезьте! – умоляюще кричал человек с бледным лицом. – Я вам слово даю: сейчас же сам полезю! Да держитесь вы крепче!

– Я-то держусь, а вот ты слово своё не держишь! – спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

– Ай!.. – закричал человек с белым лицом.

– Ох!.. – простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтажник, стоявший ещё ниже, задрожал так сильно, как будто через него всё время проходил электрический ток.

«Голубые глаза... – подумал Детский Доктор. – Конечно, это его бабушка...»

Петя обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

– А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. – ни на минуту не замолкал рыжий мальчишка. – А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает...«Гав-гав-гав!» – лаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже была болтуня, только она говорила на собачьем языке.

– Анна Петровна, слезайте! – закричал Детский Доктор. – Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету... и при её помощи!..

– Карету?! – наклоняясь, закричала Анна Петровна. – «Скорой помощи»?! Молод ты ещё, голубчик, так со мной разговаривать! – Да нет! – Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: – Произошла ошибка!

– А я и не шибко! – с достоинством отвечала Анна Петровна. – Лезу себе не спеша на крышу, и всё...

– У меня чемоданчик вашего внука! – уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой жёлтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

– Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? – ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

– Осторожнее! – закричала толпа.

– Ой! Она сейчас прямо на нас упадёт! – прошептал Петя и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватившись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты. Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним. На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошёл в комнату Анны Петровны, Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота. А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых жёлтых чемоданчика.

- Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам всё объяснил, вы понимаете, почему я так разволновался... - с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог перестать улыбаться. - Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

- Три штуки, голубчик! - немного смущённо сказала Анна Петровна. - Так ведь я думала, что это Валечкины... А то бы я...

- Ничего, ничего. Их должно остаться ещё больше десятка, - успокоил её Детский Доктор.

Он открыл свой жёлтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

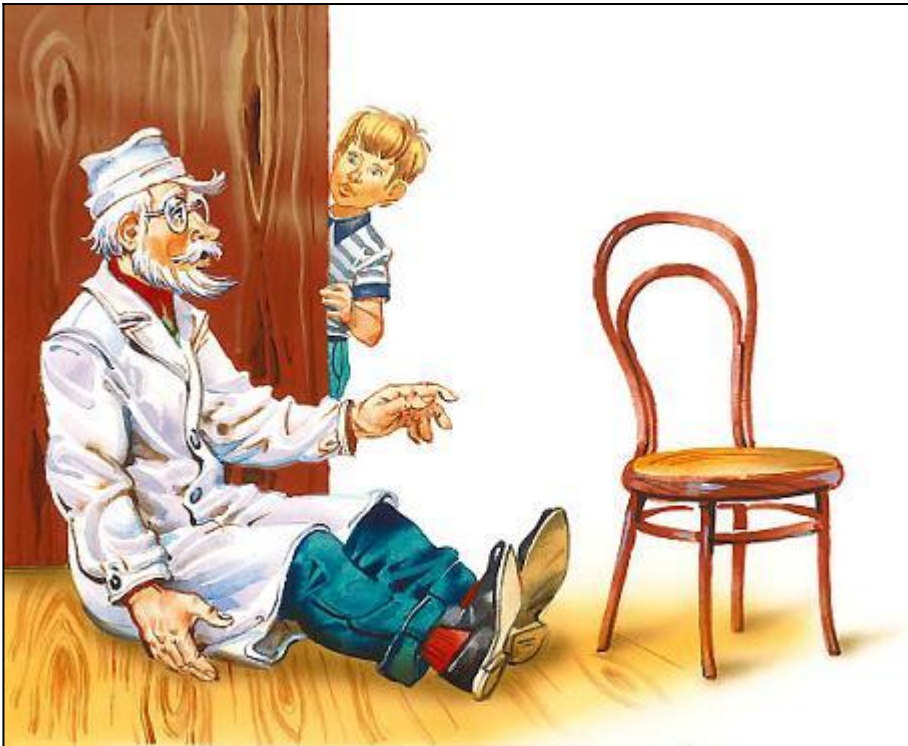

- А где же они? Вы их, наверное, положили в какое-нибудь другое место?
Но тут с Анной Петровной случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

- Ой! - прошептала она. Детский Доктор, глядя на неё, побледнел и привстал со стула. Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.
- Нет больше этих конфет, голубчик! - тихо сказала Анна Петровна. - Отдала я их!
- Кому?!
- Да нашему соседу... Лётчику...
- Лётчику?..
- Ну да... Испытатель он... Какие-то самолёты испытывает, что ли, - ещё тише прошептала Анна Петровна из-под сатинового передника.
- О-о-о... - простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. - Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку... Ведь все лётчики такие смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот,

учат осторожности... О-о-о...

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

- Так что же ты на пол уселся, голубчик? - закричала она. - Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был?

В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка? Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из-за шкафа, как вытаскивают морковку из грядки. Петька громко и жалобно заревел.

- Пойдешь во двор! - закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. - Там найдешь такую грустную девчонку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты её сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она даже не улыбнется. Найдешь её и спросишь, где её папа. А мы тут пока...

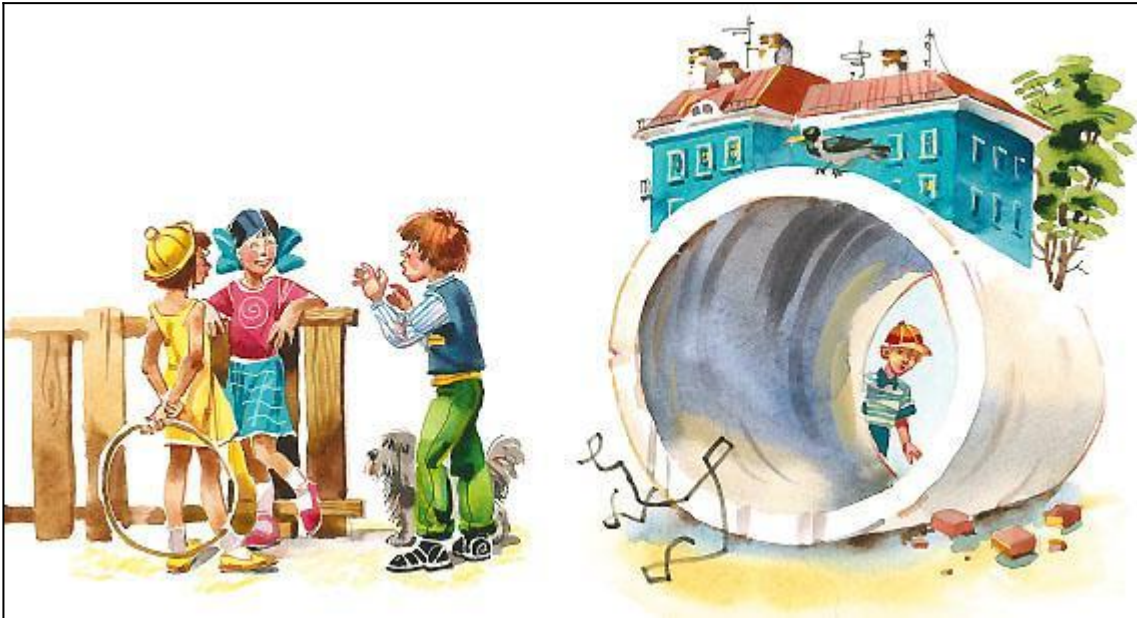
- Я один не пойду!

- Вот ещё!

- Я боюсь!

- Вот ещё! - закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.- Страница 4 - Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный. Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! - с тоской подумал Петька. - И зачем я только ушёл из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью... как бы хорошо было...» Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

- А он ка-ак схватит чемоданчик! - быстро говорил рыжий мальчишка. - А она ка-ак закричит! А она ка-ак побежит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак...

«Гав-гав-гав!» - без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и весёлые. Три девчонки улыбались, две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны её белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! - подумал Петька. - Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полез за сарайчик.

- Эй, ты! - сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем. На голове у противного мальчишки была маленькая панамка. Наверное, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша. Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперёд свою длинную ногу. Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

- Ха-ха-ха! - противно захохотал мальчишка. Петька стукнулся об землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвёт его на кусочки. Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за сарайчик. Здесь в тени росла трава и даже торчало два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее. Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не шёл дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками. Петька уставился на её грустное лицо. А какие ресницы были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли её щёки. У Петьки, наверное, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась. - Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? - хрипло спросил Петька.

- Тома! - грустно и серьёзно сказала девочка. - А чего ты тут ползаешь?

- Это я... так, - шёпотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. - А где твой папа?

- А зачем тебе мой папа? - грустно и удивлённо спросила Тома.

- Понимаешь, у него такие конфеты... - быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. - А они не простые... Если он их съест, - беда... Он ведь лётчик... а они...

- Беда? С папой беда? - Тома вскочила на ноги. Её глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

- Ты куда? Я здесь один не останусь! - закричал Петька.

Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука у Тома была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

- Бежим за мной! Там Детский Доктор... Ну, скорее же!.. Я тебе всё объясню...
Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая, вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами. И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его безухая и безглазая собака тоже не переставая что-то говорила на своём собачьем языке. Петька и Тома вбежали в квартиру. Дверь в квартиру была открыта, но в квартире никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два жёлтых чемоданчика. Тома заморгала глазами. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

- А где же все? Что ж теперь делать? - отчаянным голосом сказала Тома. - Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в жёлтый чемоданчик Детского Доктора.

- Ой, там ещё бутылка какая-то! А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там ещё что-то... Нельзя его здесь оставлять.

- Бери чемоданчик, и бежим! - закричала Тома.

Петька и Тома выбежали на улицу. В руках у Петьки был жёлтый чемоданчик Детского Доктора. В нём что-то булькало и перекачивалось с боку на бок.

Улица оглушила и ослепила Петьку. Машины крутили колёсами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стёклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики. Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

- Ой! - закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

- Ну что же ты стоишь, мальчик? - сердито сказала толстая тётя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю с портфелем.

- Куда же ты идёшь, мальчик? - закричал дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шарахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

- Куда же ты бежишь, мальчик? - закричала старушка.
Петька с беспомощным видом закружился на месте.
- Иди сюда, я тут! - услышал он Томин голос.
Тома стояла под большой круглой липой.
Её лицо в зелёной тени казалось совсем бледным, а глаза были очень тёмными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рёв. Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь! Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша. Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел. Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромным, как дыра в водосточной трубе. Наверное, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую

разливательную ложку. Слёзы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

- Бою-у-сь!.. - орал малыш. - Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

- Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься! - сказала Тома и погладила малыша по жёлтой чёлке.

- Боюсь!.. - ещё громче заорал малыш.

- Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тёти идут и смеются. Говорят: «Ай, как стыдно!»

- Боюсь!.. - кричал малыш, ещё шире открывая рот и поливая Томины руки слезами.

- Что же делать? - Тома в отчаянии снизу вверх посмотрела на Петьку. - Не могу же я с ним остаться!.. Ой, а вон наш троллейбус...

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тётя с очень жёлтой чёлкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

- Мама! - сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

- Наш троллейбус! Ну садись же! - закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой рукой, ещё мокрой от слёз малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус. Петька никогда один не ездил в троллейбусах.

Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой. А когда он вырос, всё равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тётке. У тётки были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тётка оттолкнула его от себя.

- Что с ребёнком? - сказала она строгим голосом. - Он весь трясётся... и, потом, в нём что-то стучит!..

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы. Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски или пирожного.

Но Петька всё равно ни за что не соглашался пойти к зубному врачу. Он так

боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тётя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом...

- Я бо... - прошептал Петька.

- Болен? Ребёнок болен! - ахнула строгая тётя. - Больной ребёнок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

- Я не болен, я бо...

- Что «бо»?! - закричала строгая тётя.

- Я бо-юсь!..

- Ребёнок боится ехать в больницу! - снова закричала строгая тётя и ещё крепче ухватила Петьку за плечо. - Надо скорее вызвать «Скорую помощь»! Ему совсем плохо! Как он дрожит!

Остановитетроллейбус!Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твёрдые пальцы строгой тёти. Как будто у неё была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тётей и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тётю.

- Он не болен, - сказала Тома своим тихим и серьёзным голосом. - Он боится... боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?У Петьки с трудом хватило силы кивнуть головой.

Строгая тётя с сожалением выпустила Петькино плечо, видимо, она всё-таки считала, что на всякий случай лучше остановить троллейбус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика. А Петька поскорее пробрался на свободное место, подальше от строгой тёти и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тётя Катя.

Тётя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу.Петька вскочил на ноги.

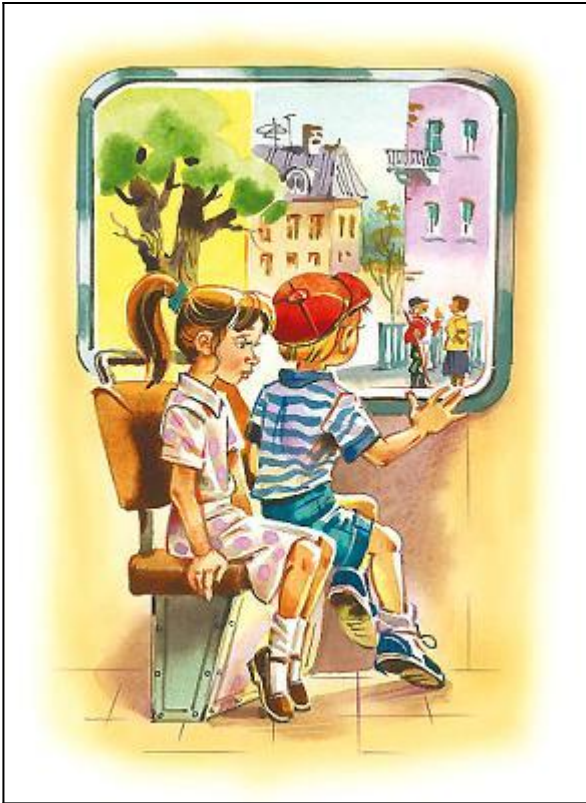
- Ты куда? - удивлённо спросила Тома.

- Я уже приехал... Всё... Это мой дом...

- А разве ты... не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Её глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Тома дрогнули.

- Я с тобой, - буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на верёвке его трусы и старую ковбойку. Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку всё дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову. Что-то тёплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. - на светло-серых брюках появилось тёмно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слёзы, бегущие по щекам. Петька сжал кулаки. «Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? – подумал он и покосился на Тому. – Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел её жёлтым чемоданчиком по ноге.

- А мой папа любит сладкое! - несчастным голосом прошептала Тома. - Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Её ноги в коричневых тапочках замелькали ещё быстрее.

- А ты знаешь, где аэродром-то? - на бегу крикнул Петька. - А может, мы не туда бежим?

- Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже лётное поле. Надо только до конца забора добежать.

- Да... а он вон какой длинный... Это пока мы добежим...

- Ой, правда! - Тома так резко остановилась, что Петька налетел на неё и ухватился за её руку. - Давай через него перелезем!

- Да мы не пере...

- Ну как-нибудь! - Петька посмотрел на забор.

Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть, ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже ещё немного выше.

– Этот забор знаешь какой длинный, – сказала Тома. – А так мы гораздо скорее... Как хорошо, что ты со мной пошёл! Ты мне поможешь... Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на забор. И забор сразу показался ему намного ниже. Петька поставил жёлтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину. Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборам. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда ещё неизвестно, что там за забором?» Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину. Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

– Давай руку, – оказал Петька, но не удержался на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора.

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

– Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! – вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у неё был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

– Ха-ха-ха! – захохотал кто-то отвратительным смехом.

Петька вскочила забор. Он даже сам не понял, как это у него получилось

. Тома стояла и тянула к себе жёлтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка

в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе жёлтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-жёлтые, нечищенные зубы.

- Это мой чемодан! - закричал Петька.

- Ты ещё откуда взялся? - захохотал мальчишка. - Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

- В нём?.. В нём?.. - растерялся Петька. - А в нём бутылка...

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

- А что в бутылке?

- Я... Я не знаю...

- Значит, не знаешь? - захохотал мальчишка. - Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке - не знаешь!

- Там... там...

- А что ещё в чемоданчике?

- Не знаю...

- «Не знаю, не знаю»! - передразнил его мальчишка. - А я знаю! Откуда это у тебя будет такой чемоданчик? Ты, наверное, украл этот чемоданчик!..

- Я не крал! - закричал Петька и свалился с забора.

- А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике? - крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят ещё четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на верёвочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

- Да это не его чемоданчик! - быстро заговорил он. - Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тётенька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» - залаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже рассказывала про дяденьку и про тётеньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое. Рыжий мальчишка открыл жёлтый чемоданчик.

- Тут какая-то бутылка! - закричал он. - Я сейчас ка-ак...

Тома громко заплакала.- Эх ты, балда, ещё с рёвой связался! Ха-ха-ха! - захохотал противный мальчишка. - Ведь она рёва, рёва!

Петька посмотрел на Тому. Она сидела на земле, и большие лопухи доходили до её подбородка. Из лопухов торчала только её голова и две руки, закрывавшие лицо.

- Она не рёва! - закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку. А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверное, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но всё равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому рёвой. Даже если бы она редела с утра до вечера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо в подбородок. Противный мальчишка, как волк, лязгнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднёс

бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зелёной тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки всё-таки был ещё и язык.

- Смотрите, тут какая-то коробочка! - закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая, серебристая пыль окутала мальчишек.

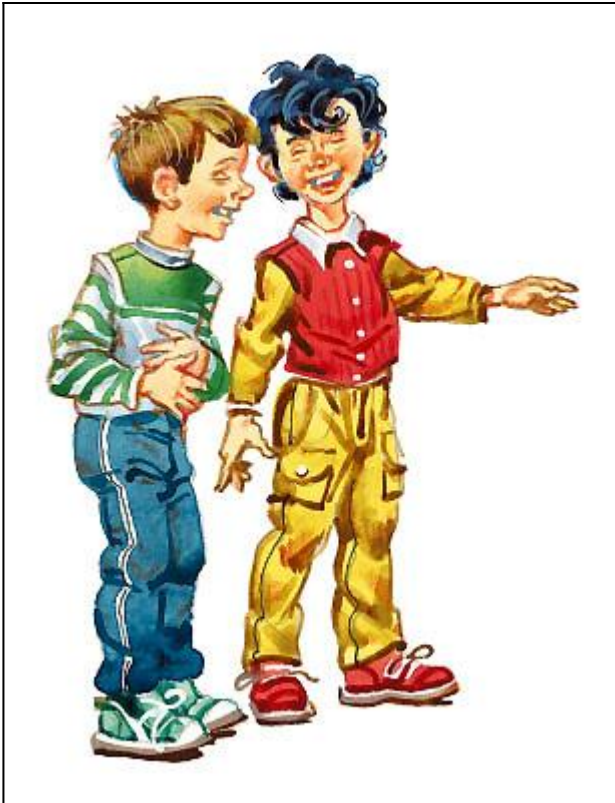
- Ха-ха-ха! - звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

- Ха-ха-ха! - захохотали другие мальчишки.

- Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду в лопухи!

- Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

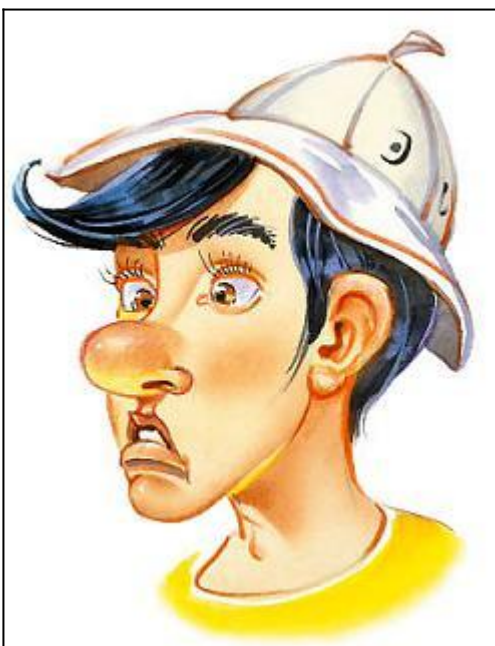
- Ха-ха-ха!!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверное, впервые с тех пор, как родился. Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

- Ха-ха-ха! - ещё громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.
- Ой, ребята!
- Ой, поглядите!
- А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панاما оказалась на него в самый раз. Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой жёлтый чемоданчик.

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

- Уф, Анна Петровна, - на бегу проговорил Детский Доктор, - мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

- Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

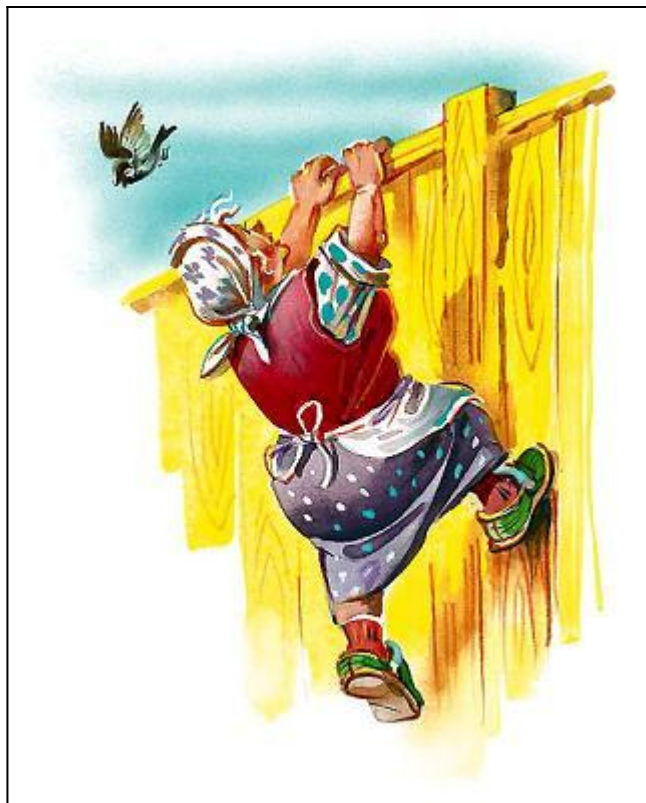
- А я, уф, никого не виню, уф! - на бегу крикнул Детский Доктор.

- Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! - на бегу ответила Анна Петровна.

- Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

- Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе... ох, ре... ох, лезть!.. - С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

- Анна Петровна, уф, я как врач, уф, увы, в нашем возрасте, уф... Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

- Не может быть, чтобы не было калитки! - закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. - В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки! На то он и забор, чтобы в нём калитку делать! Только где она?

- А вот идёт какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шёл рыжий мальчишка.

Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Её розовый язык волочился по пыльным лопухам.

- Ох, это такой болтун! - с досадой поморщилась Анна Петровна. - Целый час будет болтать, пока... Эй, говори немедленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на неё и ничего не ответил.

- Где, где калитка? - снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытасченная из воды, и опять ничего не ответил.

- Да что с тобой такое? - закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперёд, как паровоз, который снова поставили на рельсы.

- Ха-ха-ха!- Ой, братцы! Хо-хо-хо!

- Ой, не могу! Хи-хи-хи! Детский Доктор и Анна Петровна замерли потрясённые. Они увидели трёх мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слёзы, ослабевшими руками держались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые колени. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

- Где здесь калитка? - закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

- Калитка? - в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. - Ха-ха-ха!

- Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

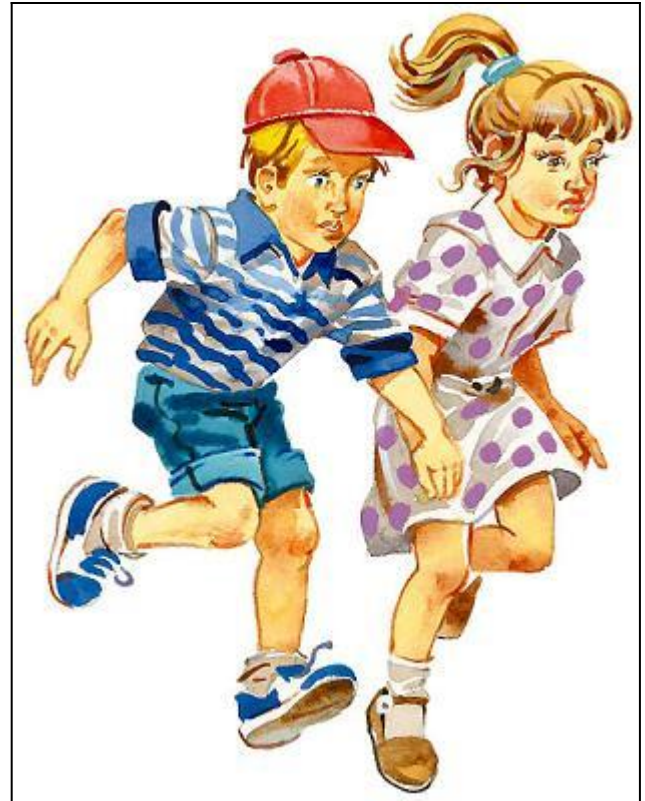
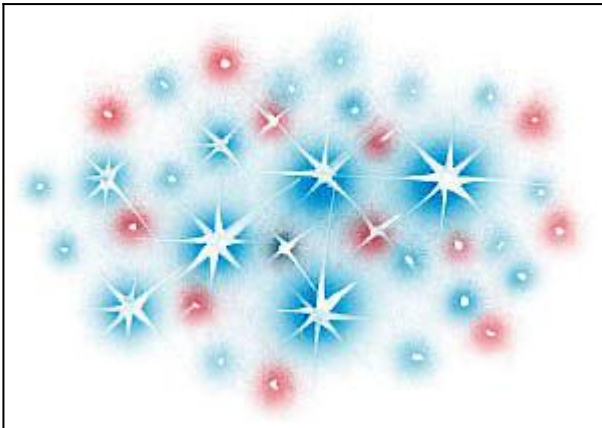
- Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

- Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!

- Да что они, все с ума посходили, что ли? - в отчаянии закричала Анна Петровна. - Да я их всех сейчас...

- У нас нет на это времени! - крикнул Доктор, бросаясь бежать. - Нам надо торопиться! Мы и так уже...

Детский Доктор не договорил и побежал ещё быстрее.

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолёт. На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжёлые самолёты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

- Скорее, скорее! - закричала Тома. - Может быть, мой папа ещё не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолёт. Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувырком полетел вниз.

- Это папка! - закричала Тома и горестно всплеснула руками. - Я знаю, знаю...

Слёзы бежали у неё по лицу, а ветер вытирал и сушил их. А серебряный самолёт, блестя как рыбка, падал всё ниже и ниже и только у самой земли вдруг взмыл носом кверху и стал кругами уходить за белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. - холодея от ужаса, подумал Петька. - Ещё бы немножко - и об

землю...»

- Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолёт. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился всё больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой всё небо. Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжёлый грузный самолёт быстро уменьшался, становясь лёгким и серебристым.

- Вы что тут делаете? - закричал молодой лётчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые. Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

- Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой лётчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

- Нам нужен самый главный начальник! - отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь за лётчика.

- Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! - ещё больше разозлился молодой лётчик, отдирая от себя Петькины руки.

- Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты... Её папа съел конфеты!.. - попробовал объяснить Петька и замолчал. По лицу лётчика он увидел, что тот ещё больше рассердился.

- Конфеты?! Ах, конфеты?.. А может быть, он ещё и мороженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

- Мой папа... - сказала Тома. Она всё время стояла и смотрела на лётчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И всё, что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами. Лицо у лётчика стало очень серьёзным. Он положил руку Томе на голову.

И Петька увидел, что рука у этого лётчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

- А ну, ребята, за мной! - сказал лётчик и, повернувшись, быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце лётного поля.

В комнате, куда лётчик привёл Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и всё было видно. Никогда ещё Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в лётной форме. У него были седые волосы и орлиный нос. Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени. Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо... Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

- Я - Тома Петрова! - закричала Тома, бросаясь к нему. - Мой папа...

И вот что произошло через полторы минуты. Седой лётчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

- Я - Река! Я - Река! - сказал седой лётчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. - 403 - на приём! Вы меня слышите?

- Я - 403! Я - 403! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос её отца.

- 403, отвечайте. Вы ели сегодня конфеты?

- Что?!- Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты... в розовых бумажках?

- В розовых бумажках?!- Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

- Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но...

- 403, вы ели эти конфеты?

- Нет.

- Уф!.. - сказал седой лётчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только на одно мгновение.

- Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты!

- А у меня их и нет!

- Нет?!

- Нет.

- А... где же они?

- Я... Ах, да... Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

- А кто ваш приятель?

- Он укротитель зверей.

- Ой! Дядя Федя... - тихо сказала Тома и прижала руки к груди.

- А он смелый? - шёпотом спросил Петька.

- У-у!.. Знаешь, какой он смелый... У него там львы... - тоже шёпотом ответила Тома.

- Тогда бежим! - закричал Петька.

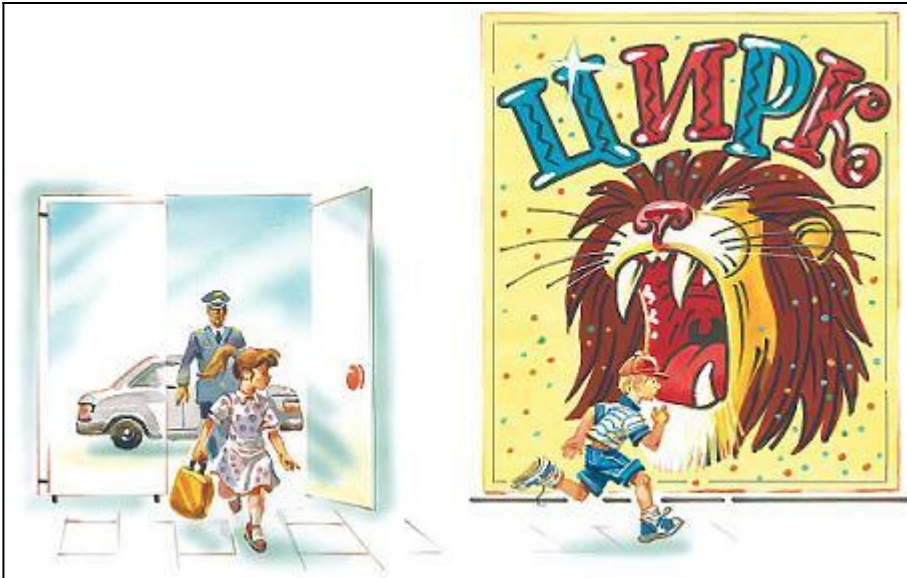

Вообще-то Петьке очень понравилось в кабинете самого главного лётчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили. Но сейчас надо было бежать. Петька схватил Тома за руку и потащил её из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!» А Петька не оборачивался и только кричал: «Скорее!» На лестнице их догнал молодой лётчик.

- Пойдите, пойдите, ребята. Я поеду вместе с вами, - сказал он. - Идите вот сюда. Полковник дал свою машину.

И в этот момент, когда серая «Волга» заворачивала за угол, в конце аэродрома показались две странные фигуры. Это был пожилой человек и старушка в домашних тапочках.

Серая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась. Петька, Тома и молодой лётчик бросились вверх по плоским ступеням. У Петьки закружилась голова от пёстрых афиш. На афишах кто-то кувыркался, кто-то на ком-то стоял, кто-то открывал зубастую пасть. Молодой лётчик и Петька подбежали к окошечку, над которым выпуклыми буквами было написано «Администратор». Два кулака сразу застучали в закрытое окошечко.

Петькин кулак был не очень большим и стучал не очень громко: тук-тук-тук! А кулак молодого лётчика был большой и тяжёлый и стучал очень громко: трах-тах-тах! Окошечко открылось. Оно было ярко-жёлтым в тёмной стене. Молодой лётчик и Петька сунули туда головы и что-то закричали дикими голосами. В окошечке показалась женская голова с большими удивлёнными глазами.

- Билетов нет. Уже второе отделение началось!.. - сказала женщина.

- А укротитель уже выступал?

- Наверное, как раз сейчас выступает!

- Скорее, скорее! - закричала Тома.

Её голос в большом пустом помещении звучал как-то гулко и странно. Толстая билетёрша, стоявшая в стеклянных дверях, замерла, и рот её тоже открылся, как окошечко. Петька быстро проскочил мимо неё. Он проскочил так быстро, как будто он был не мальчишка, а кусок ветра. Нет, он всё-таки был мальчишкой, потому что сейчас же раздалось:

- Эй, мальчик, куда?..

И толстая тётя побежала за ним, громко шлёпая подошвами. Петька выбежал в круглый коридор. Тут всюду были зеркала и красивые картины. В длинном зеркале Петька увидел толстую тётю и её протянутую руку с растопыренными пальцами.

Петька быстро нырнул головой в какую-то бархатную занавеску. Но эта бархатная занавеска вдруг крепко схватила его за шиворот. То есть, конечно, это была не бархатная занавеска, а толстая тётя, которая его всё-таки догнала. Петька вырвался от неё и полетел куда-то кувырком, стукаясь лбом и коленками.

- Тише! Тише! Не мешайте!
- Чего вы тут?
- Как самое интересное, так...

Петька поднял голову и увидел круглую, ярко освещённую арену. Над ней на высоком тёмном потолке сияли и горели сотни ламп и прожекторов. А внизу на сверкающем жёлтом песке стояли три ящика. А на каждом ящике сидело по настоящему живому льву.

На самом большом ящике сидел самый большой лев, открыв свою большую пасть. А какой-то человек в ярко-голубом фраке засовывал свою несчастную голову прямо в его открытую пасть. А лев, как нарочно, был очень большой, и пасть у него была просто огромной. А человек в голубом фраке всё глубже и глубже засовывал свою голову ему в пасть.

Петька увидел бледное ухо укротителя и кусок его шеи.

«Он! Дядя Федя!.. – как молния пронеслось в голове у Петьки. – Он все конфеты съел – и...»

– Держите его, остановите его!.. Он сейчас что-то сделает!.. – заорал Петька отчаянным голосом и бросился вперёд, протягивая к укротителю руки.

Но толстая тётя поймала его в воздухе и опять крепко ухватила за шиворот. Петька забился у неё в руках, что-то крича и брыкаясь, как лошадь. Но эта опытная тётя, которая, наверное, тоже когда-то работала укротителем, не выпустила его из рук.

В этот момент человек в голубом фраке вынул голову из пасти льва. Громко заиграла музыка, а все зрители захопали и закричали от восторга. Укротитель стал улыбаться и кланяться, приглаживая волосы, которые немножко растрепались в пасти у льва. Тут откуда-то появилась красивая тётя в необыкновенном платье. У Петькиной мамы не было ни одного такого платья. Оно всё блестело и сверкало. И тётя в нём была похожа на русалку без хвоста. Она хлопнула в ладоши, и откуда-то выбежали пять маленьких собачонок. Они были очень маленькие и кудрявые.

На них были банты нежных цветов. И все они шли на задних лапках. Тут укротитель в голубом фраке пощёлкал тонким хлыстом, и два льва послушно слезли со своих ящиков.

Но самый большой лев, с самой большой пастью, только посмотрел на укротителя и зарычал неприятным голосом. Может быть, он раскаивался, что не откусил голову укротителю, когда это было так просто сделать, а может быть, он вообще любил сидеть на больших ящиках. Укротитель изо всех сил защёлкал своим тонким хлыстом, но большой лев только оскалил свои длинные зубы и зарычал ещё громче.

И тут случилось что-то совсем невероятное. Пять крошечных собачонок бросились на огромного льва. Они были такие маленькие, что лев одним ударом своей большущей лапы мог убить сразу трёх таких собачонок, а двумя ударами их всех и ещё одну. Но крошечные собачонки, громко пища своими кошачьими голосами, стали прыгать на огромного льва. Они кусали его, царапали, а одна собачка с розовым бантом повисла у него на хвосте. Огромный лев спрыгнул с ящика и, трусливо поджав хвост вместе с

висящей на нём собачонкой, бросился бежать вдоль арены. А собачонки визжали и бежали за ним, и вид у них был такой, как будто они сейчас разорвут его на крошечные кусочки. Ох, что тут началось!

Зрители просто попадали со стульев от смеха.

- Ха-ха-ха!

- Нет, вы только поглядите на его морду!

- В жизни не видала таких собачонок! Ну какие же смелые! Просто ужас!

- Нет, вы посмотрите, посмотрите!

- Вот это дрессировка!

- Ха-ха! Никогда так не смеялся!

- Ой, за ухо его укусила! Ну и собачонка!

- Что это за порода такая? Храбрее овчарок!

Укротитель в голубом фраке уронил свой тонкий хлыст на песок и побледнел. Даже когда его

голова была в пасти у льва, он и то был не такой бледный.

Он с растерянным видом посмотрел на блестящую тётю. Но та стояла, бессильно опустив руки, и, приоткрыв рот, глядела на своих собачонок.

И вдруг Петька услышал чей-то удивительный смех. Он был счастливый, и нежный, и какой-то неуверенный. Как будто человек, который смеялся, не умел смеяться.

Петька оглянулся и в двух шагах от себя увидел Тому.

Тома смотрела на собачонок и смеялась.

Через полчаса все собрались в маленькой комнатке укротителя. В полуоткрытую дверь доносилось рычание, хрюканье и ещё какие-то очень приятные звуки. Народу собралось столько, что было просто негде повернуться. В комнате были и Детский Доктор, и Анна Петровна, и молодой лётчик, и Петина мама, и даже лётчик средних лет - Томин папа. Все стояли и гладили по голове сначала Тому, а потом Петьку, а потом опять Тому, а потом опять Петьку.

А на маленьком столике, где лежали запасной хлыст и красивый пистолет, весь в каких-то драгоценных камнях, лежала куча розовых бумажек. Это было всё, что осталось от конфет «Настоящей храбрости».

- Я до сих пор не могу прийти в себя! - сказала блестящая тётя, моргая глазами. - Вы понимаете, я репетировала со своими собачками новый номер. Они работали очень хорошо, и я дала каждой из них по две конфетки. Я же не знала... я же не думала...

Блестящая тётя с некоторым страхом покосилась на розовые бумажки.

- Всё получилось хорошо! Номер имел громадный успех! - сказал дядя Федя, потирая свои большие руки.

Тут все рассмеялись, а громче всех рассмеялась Тома. - Какая у вас милая, весёлая девочка! - сказала Петина мама Томиному папе.

- А у вас такой чудесный смелый сын! - сказал Томин папа Петиной маме.

И тут глаза у мамы просто засияли, как две звезды, и Петька увидел, что хотя у мамы нет такого замечательного платья, но зато она ещё красивее, чем блестящая тётя.

- Да, знаешь, папа, какой он храбрый! - сказала Тома. - Он знаешь как меня защищал! Он даже дрался с хулиганом Гришкой. А Гришка, знаешь, уже в пятом классе учится.

- Пороть их всех надо! - решительно сказала Анна Петровна и махнула рукой. - Тогда и драться не будут.

- Что вы! Что вы! - разволновался Детский Доктор. - Насчёт порки, Анна Петровна, я совершенно с вами не согласен. Я уже второй год работаю над книгой «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»... Я собрал огромный материал...

Мальчишки обязательно должны драться. Но если подходить с точки зрения строгой науки, то вы увидите, что драки бывают хорошие и плохие. Вот если большой мальчишка бьёт маленького... Это плохая драка. Такая драка очень вредна для характера и нервной системы ребёнка. Подробно я остановился на этом вопросе в пятой главе. А вот во второй главе описываю пять видов хорошей драки: первый вид - защита малышей, второй - защита девочек, третий - борьба с хулиганами более старшего возраста, четвёртый...

- Да, я тоже в детстве любил драться! - улыбнулся Томин папа. - Также не давал в обиду девчонок и малышей!

- Это хорошая драка второго и первого вида, - просиял Детский Доктор. - И ваш смелый сын, Анна Петровна, с которым я обменялся чемоданчиком... Кстати, где мой чемоданчик?

- Вот он. У меня, - сказал Петька.

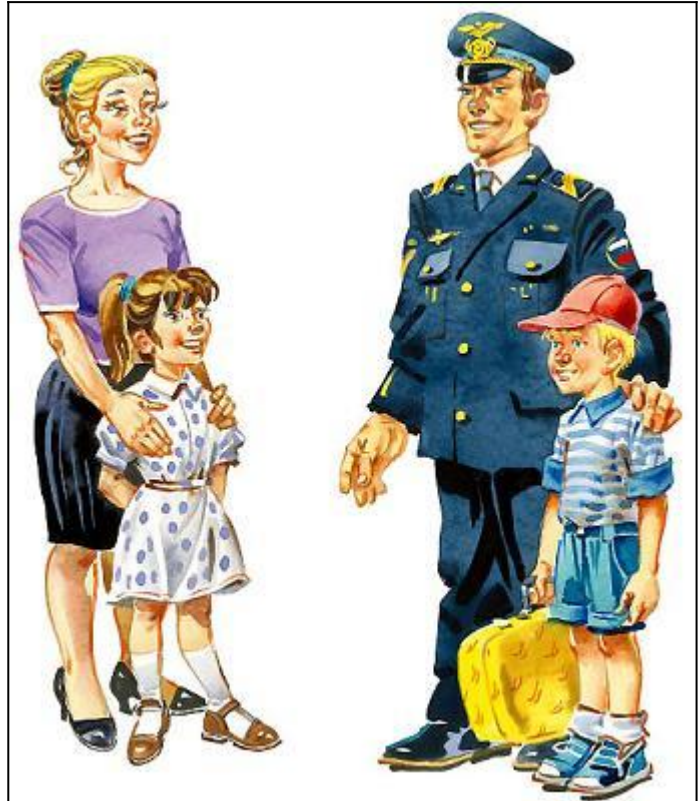
Детский Доктор открыл жёлтый чемоданчик.

- Но он же пуст! - удивился он. - А где же?..

И тут Тома и Петька, перебивая друг друга, рассказали Детскому Доктору, что случилось с антиболтином и порошком смеха.

- Так вот почему этот болтун нам ничего не ответил! - воскликнула Анна Петровна.

- Да, да! Я сразу заметил, что смех этих мальчиков искусственного происхождения!.. - сказал

Детский Доктор.- А это не опасно? – заволновалась Анна Петровна. – Всё-таки дети... Неужели они навсегда?..

- Нет, нет! – успокоил её Детский Доктор.

- Острое состояние скоро пройдёт. Но, вероятно, болтун перестанет быть болтуном, а эти мальчишки ещё месяца два будут смеяться по любому поводу.

- Можно вас на одну минуточку, доктор?

- спросила Петина мама.

Прямо перед собой Детский Доктор увидел её большие, немного встревоженные глаза.

- Вы понимаете, Доктор... Всё-таки Петенька не съел ни одной вашей конфеты. А вдруг он опять?..- Это исключено, – весело сказал Детский Доктор и похлопал Петину маму по руке.

- Вы можете совершенно не волноваться. Ваш сын Петя теперь никогда ничего не будет бояться. Когда сама жизнь делает

человека смелым... это действует гораздо сильнее, чем любые лекарства. И вообще, если можно обойтись без помощи медицины... Вот и Тома тоже... Она снова научилась смеяться!

Тут все попрощались с укротителем и блестящей тётей и вышли на улицу.

На улице уже стемнело. На высоких столбах зажигались круглые жёлтые фонари. Прохладный ветер приятно гладил разгорячённые лица.

- И всё-таки, голубчик, нечего вам радоваться! – сердито сказала Анна Петровна. – Вот смотрите, какую беду вы чуть не натворили с вашими конфетами... Всё-таки надо поосторожней...

- Да, да! – задумчиво проговорил Детский Доктор. – Теперь я буду осторожнее. Я, знаете ли, даже не думал, что я создал такой опасный препарат. Мне просто не пришло в голову, что... Но теперь я знаю. В нашей стране, где люди такие смелые...

- Вы правы... – сказал Томин папа и замолчал.

Он услышал, как Тома, которая шла впереди рядом с Петькой, чему-то радостно засмеялась.

